

УДК 339.564:341.9(476)

В.А. Федотов

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

**ВЫБОР ПРИМЕНИМОГО ПРАВА И ДЕЙСТВИЕ
ИМПЕРАТИВНЫХ НОРМ ПРАВОПОРЯДКОВ, ПРИМЕНИМЫХ
К ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОМУ ДОГОВОРУ:
ПОЛИСИСТЕМНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

В статье рассмотрен вопрос об обеспечении взаимодействия норм применимого права к внешнеэкономическому договору на основе принципа автономии воли сторон и действия императивных норм правопорядков, имеющих тесную связь с отношением. Автор указывает на ряд правовых аспектов, действия правопорядков национальной принадлежности участников внешнеэкономического договора, а также права места исполнения соглашения третьего государства, лежащих в основе принципа автономии сторон. В работе сделан ряд конкретных предложений по совершенствованию законодательства Республики Беларусь о внешнеэкономической деятельности.

Традиционно принцип автономии воли в сфере действия норм международного частного права трактуется как одно из основных общепризнанных начал, позволяющих сторонам международных отношений избрать применимое право (правопорядок) к их отношению. При этом "право" или "правопорядок" толкуется в самом широком смысле этого слова: под ним может пониматься как правовая система государства, так и совокупность правовых актов или конкретный нормативный правовой акт, как действующие, так и утратившие силу. Применимым правом, могут быть также правовой или торговый обычай, обыкновение, заведенный порядок и т.д.

По существу, выбор применимого правопорядка – это право сторон, и как любое субъективное право, принцип автономии воли имеет свои ограничения. Мировым сообществом не выработаны единые требования, предъявляемые формированию оснований для ограничения действия данного принципа. Исключением из этого правила является, пожалуй, институт оговорки о публичном порядке, получивший признание в законодательстве большинства стран.

По общему правилу, любой гражданско-правовой договор основан на законе, требованиях предъявляемых к содержанию и форме соглашения. Однако, международные частные соглашения имеют своей основой полисистемный механизм правовой регламентации.

К сожалению, указанному аспекту правового регулирования договорных отношений должного внимания не уделено ни законодателем, ни отечественной наукой.

Право любого государства выражает национальные интересы. Формирование внешнеэкономического законодательства Беларуси пошло по пути доминирующего обеспечения национальных интересов в международной торговле над интересами зарубежных партнеров, что в частности, выражено в действии императивных норм о применимом праве к отношению. Вместе с тем, отношения в сфере внешней торговли нельзя регламентировать законодательством лишь одного государства. Такие отношения по своей природе являются трансграничными, поскольку обладают особым правовым режимом, который определяется полисистемным характером взаимодействия норм как минимум двух правовых систем, имеющих тесную связь с отношением.

В отечественной науке нет ни одного комплексного и системного научного исследования о полисистемном взаимодействии правовых систем участников внешнеэкономических (внешнеторговых) отношений на основе принципа тесной связи.

Принцип автономии воли в белорусском праве получил закрепление в ст. 1124 Гражданского кодекса Беларуси (далее – ГК) [1]. Это

единственная правовая норма отечественного законодательства, определяющая автономию воли сторон договора в выборе применимого права к международным гражданско-правовым договорным отношениям. Сфера действия ст. 1124 ГК весьма широка, однако применение принципа автономии воли в абсолютном большинстве случаев сводится к внешней экономике.

В соответствии с п. 1 ст. 1124 ГК «стороны договора могут при заключении договора или в последующем избрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору, если это не противоречит законодательству». К сожалению, в содержании данной нормы конкретно не указано, какому именно законодательству Республики Беларусь и(или) иностранному не должен противоречить выбор сторонами применимого к договору права. По мнению Я.И. Функа, «...законодатель требует, чтобы избрание сторонами права не противоречило законодательству Республики Беларусь...» [2, с. 34].

Для установления законодательства определенного п. 1 ст. 1124 ГК необходимо, на наш взгляд, применить систематическое толкование, поскольку имеется явная юридическая связь принципа автономии воли со ст.ст. 1093, 1097–1100 ГК.

В соответствии с п. 1 ст. 1100 ГК правила раздела VII не затрагивают действия императивных норм права Республики Беларусь, регулирующих соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права. Из содержания данной нормы следует, что независимо от применимого права к отношению императивные нормы законодательства Республики Беларусь должны быть применены и исполнены контрагентами.

Последствия обхода закона предусмотрены ст. 1097 ГК: недействительны соглашения и иные действия участников отношений, регулируемых гражданским законодательством, направленные на то, чтобы в обход правил раздела VII ГК о подлежащем применению праве подчинить соответствующие отношения иному праву. В этом случае применяется право соответствующего государства, подлежащее применению в соответствии с разделом VII ГК.

Таким образом, действие белорусского законодательства должно быть надлежащим образом обеспечено сторонами, а соглашение о выборе применимого права, совершенные в обход императивных норм белорусского законодательства, признаются недействительными.

Вместе с тем, следует признать, что законодательство иностранного государства – право иностранного контрагента и(или) право третьего государства, с которым отношение тесно образом связано, может

содержать аналогичные ограничения в выборе применимого правопорядка. Например, тождественная по своему содержанию норма предусмотрена п. 1 ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – ГК РФ): «правила настоящего раздела не затрагивают действие тех императивных норм законодательства Российской Федерации, которые ...регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права (нормы непосредственного применения)» [3].

Примат императивных норм национального законодательства (п. 1 ст. 1100 ГК, п. 1 ст. 1192 ГК РФ) над нормами иностранного правопорядка имеет своей целью реализацию национальных интересов. В сфере внешнеторговой деятельности это: обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь, в том числе в экономической сфере, стимулирование развития национальной экономики, обеспечение благоприятных условий для внешнеторговой деятельности [4].

Вместе с тем природа внешнеэкономических (внешнеторговых) отношений основана на полисистемном механизме регулирования. Независимо от того в правовом поле действия какого государства субъекты совершают внешнеторговые операции, они обязаны исполнять императивные нормы законодательства своей национальной принадлежности, а также права места исполнения обязательств по заключенному внешнеторговому контракту. Всё это выражается в действии принципа тесной связи с отношением, который по существу является «связующим звеном» обеспечения действия императивных и иных норм применимого права.

Законодательство участников внешнеэкономического договора, а также право третьего государства, с которым соглашение тесно связано в отношении экспортно-импортных операций, совершаемых во исполнение договора, может предусматривать императивные требования, предъявляемые к качеству, количеству, сопроводительным документам и др. Исключить действие таких норм контрагенты не вправе. При этом в ряде случаев имеет место «последовательное применение норм правовых систем», с которым отношение тесно связано [5, с. 106]. Например, при исполнении внешнеторгового договора на оказание услуг перевозки груза из Беларуси в ФРГ, в части исполнения обязательств на территории Республики Беларусь применяется белорусское право, далее – право стран(ы) транзита и, наконец, право страны назначения (ФРГ). Закон места исполнения обязательств по договору в каждом случае будет основанием для применения иных правопорядков, тесным образом связанных с отношением, а в оставшейся части, – возможно применение принципа автономии воли.

Действие императивных норм правопорядка места исполнения обязательств может ограничить или вовсе запретить применение иностранных материально-правовых и коллизионных норм-принципов применимого права.

Императивные нормы национального законодательства резидента и законодательства нерезидента не должны вступать друг с другом в противоречие, иначе это порождает негативные юридические последствия. Действительным внешнеэкономическое соглашение может быть признано только в том случае, если соблюдены императивные требования, предъявляемые к такому договору законодательством каждого государства, имеющего тесную связь с внешнеэкономическим соглашением. Например, в ряде стран мира международные коммерческие контракты с участием белорусского резидента могут быть совершены в устной форме. Но по белорусскому законодательству такие контракты не порождают юридических последствий. В соответствии с п. 3 ст. 163, п. 2 ст. 1116 ГК внешнеэкономические сделки совершенные белорусским резидентом в устной форме признаются ничтожными. Следовательно, исполнение императивных норм законодательства только одной страны, с которым отношение тесно связано, не создает правовых оснований для признания внешнеэкономического договора действительным.

Заключение и исполнение внешнеэкономического соглашения может совершено только на территории Беларуси и отношении, основанное на таком договоре, в целом урегулировано лишь белорусским законодательством. Но это вовсе не исключает возможность применения иностранных норм права, в том числе и императивного характера.

Однако в тех случаях, когда внешнеэкономический договор совершается на территории страны иностранного контрагента или территории третьего государства, императивные нормы закона места исполнения обязательств выступают правовой основой отношений сторон, применимого к соглашению права. В таких случаях применение п. 1 ст. 1100 ГК возможно лишь в случае наличия между Республикой Беларусь и иностранным государством соответствующего международного договора о применении норм иностранного законодательства на территории договаривающихся государств, а в отсутствии такого соглашения – на условиях взаимности.

Белорусский суд обязан применить иностранное право независимо от того, применяется ли в соответствующем иностранном государстве к аналогичным отношениям право Республики Беларусь (п. 1 ст. 1198 ГК), за исключением случаев, когда применение иностранного права на

началах взаимности предусмотрено законодательством Беларуси. Основные нормативные правовые акты Республики Беларусь, действующие в сфере внешней экономики не предусматривают применение иностранного права только на началах взаимности [1; 4; 6; 7]. Поэтому суд должен применить иностранное право, если оно имеет тесную связь с внешнеэкономическим отношением.

Однако в соответствии с п. 2 ст. 1100 ГК «при применении права какой-либо страны (кроме Республики Беларусь)... суд *может* применить императивные нормы права другой страны, имеющие тесную связь с рассматриваемым отношением, если, согласно праву этой страны, такие нормы *должны* регулировать соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права». На наш взгляд, при применении иностранного права суд не может, а должен применить императивные нормы этой страны, если они имеют тесную связь с рассматриваемым внешнеэкономическим отношением. Именно в действии императивных материально-правовых или коллизионных норм находит свое выражение принцип тесной связи, указывающий на применимое право. Единственным ограничением применения императивных норм иностранного правопорядка должна являться оговорка о публичном порядке.

Полагаем, что в п. 2 ст. 1100 ГК слово «может» необходимо исключить, слово «применить» заменить словом «применяет». Реализация данного предложения позволит обеспечить действие императивных норм иностранного права, которые должны регулировать соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права с учетом ограничений, установленных ст. 1099 ГК.

Пункт 4 ст. 1124 ГК предусматривает, что стороны договора могут избрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей. Как отмечает Я.И. Функ, «тем самым Кодекс допускает, чтобы одни положения договора регулировались одним правом, а другие – другим... При этом стороны могут применить к регламентации своих отношений не одно, и даже два права. Единственным ограничением в данном случае будет выступать требование, в силу которого одни и те же условия сделки не должны регламентироваться правом разных государств» [2, с. 37]. По нашему мнению, стороны могут применить к внешнеэкономическому соглашению (его условиям) неограниченное количество правопорядков. Независимо от волеизъявления сторон внешнеэкономического соглашения каждое условие такого договора должно соответствовать императивным нормам законодательств, имеющих тесную связь с договором. Вместе с тем п. 4 ст. 1124 ГК не предусматривает такого ограничения. Полагаем, что в

отношении одного и того же условия внешнеэкономического соглашения право разных государств (имеющих тесную связь с таким договором) может предусматривать соответствующие императивные требования. Например, английскому праву неизвестно деление норм на императивные и диспозитивные нормы, все нормы права подлежат неукоснительному соблюдению [8, с. 520].

Полагаем, что п. 4 ст. 1124 ГК после слова «частей» необходимо дополнить словами «, если иное не определено императивными нормами законодательства, имеющего тесную связь с договором».

В силу прямого указания п. 4 ст. 1124 ГК право выбора применимого права как для договора в целом, так и для отдельных его частей принадлежит сторонам соглашения. «Если же применимое право определяется судом, арбитражем или иным органом, то данный орган не вправе им воспользоваться, если применительно к Республике Беларусь из законодательства не вытекает, что в отношении разных условий сделки действуют разные коллизионные привязки, а в силу этого возможно применение различных правовых систем к разным условиям одной и той же сделки», – отмечает Я.И. Функ [9, с. 60]. На наш взгляд, п. 2 ст. 1093, п. 2 ст. 1124 ГК допускают такую возможность суда (арбитража) исходя из «...условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности», – как это определено п. 2 ст. 1124 ГК. Полагаем, что суд (арбитраж) должен воспользоваться положением о выборе применимого права как для договора в целом, так и для отдельных его частей, если оно имеет правовую связь с рассматриваемым соглашением.

В п. 1 ст. 1093 ГК законодателем не предусмотрена возможность определения права, подлежащего применению на основании норм иностранного правопорядка, имеющих тесную связь с отношением. В соответствии с п. 3 ст. 1093 ГК такая возможность возникает у органа, наделенного правомочиями решать вопрос о применимом к отношению праве, если на основании законодательных актов Беларуси, международных договоров Республики Беларусь и не противоречащих белорусскому законодательству международных обычаев невозможно определить право, подлежащее применению. На наш взгляд, п. 1 ст. 1093 ГК (помимо указанных в данном пункте оснований для определения применимого права) должен предусматривать обязанность суда устанавливать подлежащее применению право на основании наиболее тесно связанного с гражданско-правовым отношением правом.

Исследование вопроса о взаимодействии норм применимого права к внешнеэкономическому договору позволяет сделать следующие выводы и предложения:

1. Принцип автономии воли участников внешнеэкономического соглашения ограничен действием императивных норм законодательств стран национальной принадлежности контрагентов, а также правом третьего государства места исполнения обязательств по договору. К сожалению, данный аспект применения принципа автономии воли, не нашел закрепления в ст. 1124 ГК.

Полагаем, что с целью устранения данного правового пробела п. 1 ст. 1124 ГК после слова «законодательству» необходимо дополнить словами «, имеющему тесную связь с отношением». Введением данного положения может быть обеспечено взаимодействие правовых систем участников внешнеэкономического договора, а также права третьего государства места исполнения обязательств по соглашению.

2. На наш взгляд, при применении иностранного права суд не может, а должен применить императивные нормы этой страны, если они имеют тесную связь с рассматриваемым внешнеэкономическим отношением. Принцип тесной связи находит свое выражение в действии императивных материально-правовых или коллизионных норм, указывающих на применимое право. Единственным ограничением при применении императивных норм иностранного законодательства, на наш взгляд, должна являться оговорка о публичном порядке.

Полагаем, что в п. 2 ст. 1100 ГК слово «может» необходимо исключить, слово «применить» заменить словом «применяет». Реализация данного предложения позволит обеспечить действие императивных норм иностранного права, которые должны регулировать соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права с учетом ограничений, установленных ст. 1099 ГК.

3. По нашему мнению, стороны могут применить к внешнеэкономическому соглашению (его условиям) неограниченное количество правопорядков. Независимо от волеизъявления сторон внешнеэкономического соглашения каждое условие такого договора должно соответствовать императивным нормам законодательств, имеющих тесную связь с договором. Вместе с тем п. 4 ст. 1124 ГК не предусматривает такого ограничения. Думается, что в отношении одного и того же условия внешнеэкономического соглашения право разных государств, имеющих тесную связь с таким договором, может предусматривать соответствующие императивные требования.

Полагаем, что п. 4 ст. 1124 ГК после слова «частей» необходимо дополнить словами «, если иное не определено императивными нормами законодательства, имеющего тесную связь с договором».

Список использованных источников

1 Гражданский кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-3 // Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. – 1999. – № 7–9. – Ст. 101.

2 Функ, Я.И. Право, применимое к внешнеторговому договору субъекта Республики Беларусь в силу соглашения сторон и императивных норм публичного характера / Я.И. Функ // Бюл. норматив.-правовой информ. – 2001. – № 14. – С. 38–45.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : Закон РФ, 26 нояб. 2001 г., № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

4 О государственном регулировании внешнеторговой деятельности : За-кон Респ. Беларусь, 25 нояб. 2004 г., № 347-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 193. – 2/1096.

5 Федотов, В.А. Взаимодействие правовых систем участников внешнеторговых сделок: теоретико-прикладные аспекты / В.А. Федотов // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2017. – № 5 – С. 104–108.

6 О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций : Указ Президента Респ. Беларусь, 27 марта 2008 г., № 178 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 80. – 1/9574.

7 Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

8 Гражданское и торговое право зарубежных государств : учеб. : в 2 т. / Г.Н. Буднева [и др.] ; отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. – 4-е изд. – М. : Междунар. отн., Т. 1. – 2004. – 560 с.

9 Функ, Я.И. Курс внешнеторгового права: основные внешнеторговые сделки / Я.И. Функ, Д.А. Калимов, В.П. Сергеев; под общ. ред. Я.И. Функа. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2007. – 656 с.

The article considers the issue of ensuring the interaction of the norms of applicable law with the foreign economic contract on the basis of the principle of autonomy of the will of the parties and the effect of peremptory norms of law and order having close

connection with the relationship. The author points to a number of legal aspects, the actions of the legal order of nationality of the participants in the external economic contract, as well as the right of the place of execution of the agreement of the third state, which underlie the principle of party autonomy. A number of concrete proposals have been made to improve the legislation of the Republic of Belarus on foreign economic activity.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ